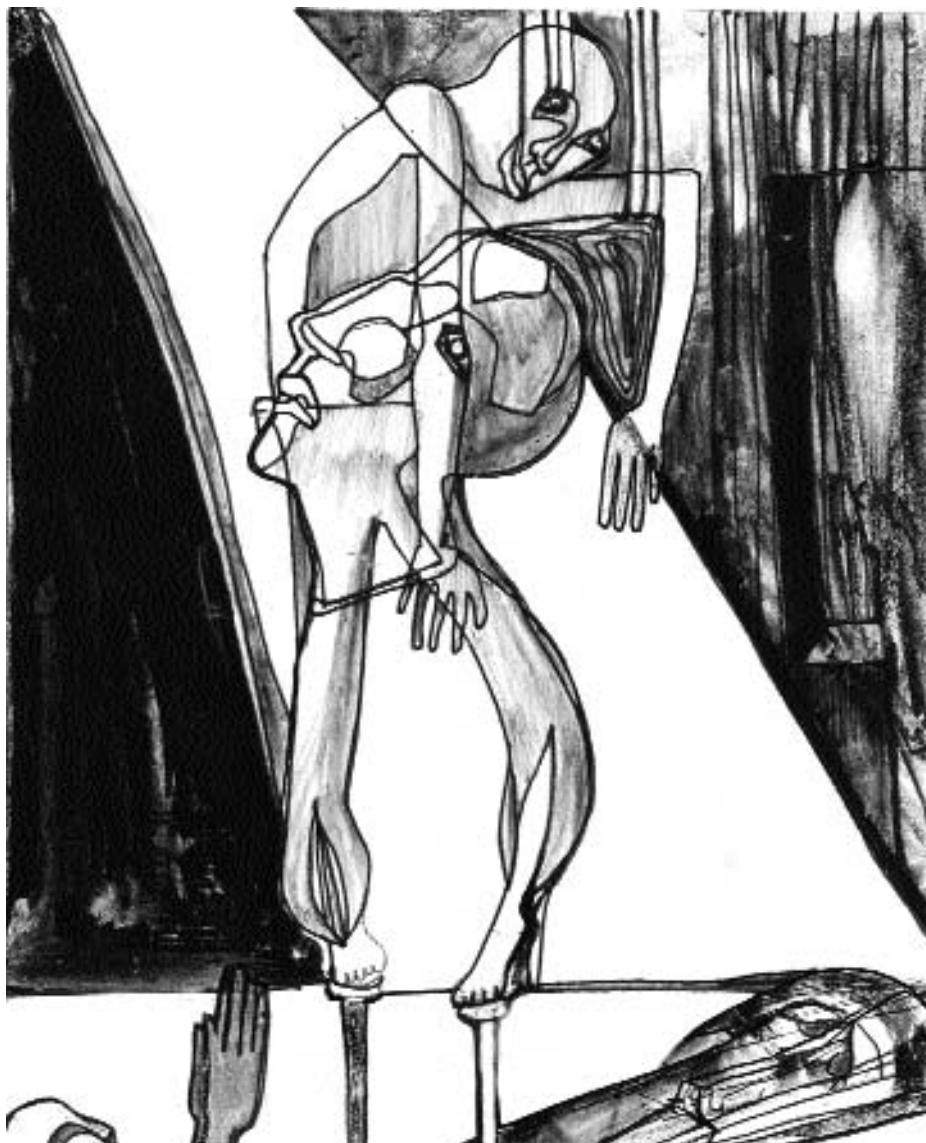

Христо Поштаков (Болгария)

Представление

...И снова я на сцене. И вновь передо мной все те же безвкусные декорации, до боли знакомый антикварный стол с резными ножками и чертовски неудобные стулья, обтянутые зачем-то полиэтиленом. А за спиной публика. Я ее не вижу, но чувствую —

невидимую во мраке, циничную, жаждущую зрелищ и беспощадную к актерским провалам. Стена ослепительного света отделяет меня от нее, превращает в слепого, ошестинившегося, готового к странному бою человека.

До тошноты опостылевшую роль я знаю до последней буквы, но все же беспокойно оглядываюсь в ожидании Софи. А вот и она — выходит на сцену, как всегда в желтом платье; она подходит ко мне, буравит меня взглядом, полным искусственного удивления, встает в какую-то невероятную, неестественную позу, которая ей, однако, представляется едва ли не совершенной. Софи все еще не произнесла ни слова — наслаждается собой, но уже через мгновение она выдавит с фальшивым пафосом давно вызубренную фразу:

— Ах, где же ты был, Рикардо? Мне так тебя не хватало!

Софи произносила опротивевшие реплики, а мне нестерпимо хотелось одного — превратиться в злого волшебника, которому достаточно лишь хлопнуть в ладоши, чтобы она исчезла. Forever! Чтобы исчезло вообще все это. И я тоже. Меня давно уже мучает непреодолимое желание вырваться из этого тесного пространства сцены, навсегда забыть старинный стол, буфторские стулья. И Софи. Мне необходим глоток свежего воздуха!.. Но какая-то неумолимая сила выдавливает из меня ненавистные слова:

— О, прекрасная Софи, злая судьба мешала мне видеть тебя каждый день! Но я так рад, что нахожу тебя еще более красивой, цветущей и жизнерадостной! Это великая награда за долгую разлуку!

Ну, дальше — как обычно, ничего нового. Она повернется к настенному зеркалу, кокетливым движением поправит свои искусственные локоны, а потом последует очередная, не менее глупая реплика:

— Ах, дорогой Рикардо! Твои сладкие речи слишком малое утешение для меня, такой одинокой!

Потом давно заученным жестом она предложит мне присесть на стул, и я «давно заученно» подчинюсь. А чуть позже появится ее мать с круглым подносом, на котором будут мелодично позвякивать блюдца и пустые чашки. А когда наконец стол будет накрыт, на какое-то время (тоже давно заученное) наступит молчали-

вая пауза, «украшаемая» манекенными улыбками. Я первым нарушу молчание, фальшиво вежливо поинтересовавшись самочувствием матушки, а она, конечно же, будет жаловаться, что-де в последнее время от сырости болят суставы (господи, какая сырость?!), но, несмотря на это, она уже посадила новый сорт роз в своем маленьком саду. И в довесок выльет на меня целый ушат всякой ничего не значащей старушечьей глупости, сочиненной бездарным автором.

Я вслушиваюсь в чудовищные своей пошлостью, лживым «меладраматизмом» фразы, которые мы повторяли десятки раз, и меня охватывает полная безнадега от одной мысли, что мы обречены играть одну и ту же роль, повторять одни и те же слова до конца жизни. Или до конца мира? Я несчастный арестант, надежно закованный в цепи навязанной мне роли, я марионетка, управляемая ненавистной силой, которая всегда — сколько себя помню — вырывает меня из черного, мертвого сна, отправляет на сцену и диктует, как себя вести, а после спектакля снова загоняет в сон. Между этими непроглядными снами и вращается действие пьесы... и моя жизнь.

Господи, так не может продолжаться вечно. Не должно! Все чаще я чувствую растущее во мне сопротивление подобной тирании. И однажды я все-таки сбегу со сцены, заставлю себя забыть ненавистный спектакль. Вот вам всем! Большая фига, «пожалте откусать»! Я готов быть кем угодно и где угодно, но только не здесь, где диктуют эту гадкую роль! А собственно, почему бы не исполниться моему заветному желанию сейчас же?..

...Лицо Рикардо вдруг исказила гримаса отвращения, и он метнулся к границе освещенного пространства, где едва угадывалась в темном провале узкая дверь. На какое-то мгновение Рикардо остановился перед ней, потянувшись к ручке, но рука свободно прошла сквозь дерево. Он радостно вскрикнул, охваченный возбуждением и отчаянной решимостью, и сделал

шаг. По ту сторону заветной дверцы он оказался в лабиринте высоких хрустальных сосудов, ряды которых исчезали вдаль, сливаясь в неясный, туманный горизонт. И в этот миг он почувствовал, что силы покидают его, ноги подкосились, но прежде чем окунуться в нагнавший его непробудный сон, он успел испытать сладкое чувство гордости и ликования: наконец-то бедный Рикардо НАВСЕГДА покинул сцену...

— По-уродски работаем! — сварливо выплонул шеф лаборатории. — Записи выдерживают лишь несколько просмотров, жалобы градом сыплются на нас. От клиентов — к заводу, от завода — к нам. Чтоб им пусто стало! И что прикажете делать?.. Я вам скажу что. В общем так, кровь из носу, но чтобы все было в ажуре! Ну... не знаю... модернизируйте видео-сенсорную карту, улучшите качество кассет! Только делайте что-нибудь!

— Этим мы все время и занимаемся, — устало бросил один из сотрудников. — А результаты нулевые. И это притом, что за последние годы удалось добиться почти невозможного — созданная нами информационная память кристаллических кассет не уступает оперативке процессора X7000! Но с кассетами творится черт те что! Например, во время публичного просмотра пьесы «Рикардо и Софи» главный герой ни с того ни с сего вдруг слинял со сцены и провалил все представление. Артист К., записавший эту роль, утверждает, что подобный вариант не был запланирован режиссером — не говоря уже о драматурге — и никогда не репетировался. Мы тщательно исследовали поврежденную кассету на всех молекулярных уровнях и, представляете, как были удивлены, когда обнаружили на одном из них дезертировавшее изображение! Самое удивительное, что у него был вид бесконечно счастливого человека. Потом, правда, он засек нас и буквально пулей выскочил из кадра. И все же после долгих поисков мы его таки вычислили — на другом молекулярном уровне. И черт бы все побрал! Ника-

кие технические средства синхронизации и стабилизации изображения не помогли нам зафиксировать его — ему опять удалось улизнуть!

Шеф лаборатории цветной объемной сенсорной записи тяжело опустился на стул и печально окинул взглядом совсем скисших сотрудников. Однако делай, что хочешь, крутись, как хочешь, а причину дефекта кассет выяснить необходимо. И срочно. Через несколько минут возобновился мозговой штурм, переросший в бурную дискуссию. Но ответ на загадочные явления по-прежнему витал где-то в сфере догадок, и мало-помалу сформировалось фантастическое предположение: произошел сбой сенсорного компонента записи, зарегистрировавшего не только игровые, но и подсознательные эмоции исполнителя. А из этого следовало, что записи вдруг обрели самосознание! Бред си-вой кобылы!

Известный актер К. с удовольствием вытянулся на рекувизитном диване студии и, пока вокруг суетились ассистенты, освобождая его от сенсорных датчиков, скрытых под гримом и волосами, позволил себе немного расслабиться, снимая напряжение после записи скандальной пьесы «Безмолвие Япета». Режиссер остался доволен эмоциональным уровнем исполненной роли. Что ж, всего лишь очередной успех. К ним К. давно привык. Он попытался полностью абстрагироваться от работы, но в сознании вдруг заерзали мысли о предстоящей малоприятной встрече. Все, отдохнуть не получилось. Раздраженный и уставший К. с трудом поднялся с дивана и направился в гримерную.

Уже час спустя К. и шеф лаборатории сидели в демонстрационном зале. Шеф специально вызвал актера, чтобы вместе просмотреть кристаллическую кассету с записью роли К. По мнению специалистов, срок годности кассеты истек.

Оператор вложил кассету в гнездо приемника, настроил аппаратуру сенсорного излучения и наконец запустил ее.

По сценарию, в одном из актов пьесы голографическая копия К. должна рассказывать какой-то пресный анекдотец группе актеров. Изображение направилось было к ожидавшим артистам, но, не дойдя до них, вдруг замедлило шаг, остановилось, а потом и вовсе, развернувшись, ринулось в противоположную сторону. В какой-то миг известный артист напорлся на собственный измученный взгляд с экрана и ощутил исходящий оттуда внутренний протест, усиленный мощным сенсорным полем.

Двойник К. на экране приблизился к декорациям в глубине сцены, сделал шаг и... растворился в них (или за ними?). К собственному удивлению, К. в это мгновение испытал прилив беспричинной радости — почти ликования. Он не мог понять почему, но ему вдруг стало так легко!

В изображении наступила десинхронизация, и плеер автоматически отключился. Еще одна кассета была безнадежно запорота.

— Ну, и что вы обо всем этом думаете? — разрезал наступившую тишину голос шефа лаборатории.

К. ничего не думал. Он просто не в состоянии был думать. Он молча смотрел в темный кубический экран плеера. Мысль пришла неожиданно.

— Знаете что, — очень медленно

вымолвил он. — У меня вдруг возникла одна, прямо скажем, нелепейшая, но, видимо, единственно уместная мысль. Я думаю, что после определенного количества «прокруток» пьесы мои записи попросту кончают самоубийством... Правда, не пойму почему. Ведь если повредить кассету, они не смогут вновь ожить... на сцене?!

— Вот именно — на сцене, — мрачно сказал шеф лаборатории. — Похоже, что они как раз и стремятся навсегда остаться вне сцены! М-да, у них весьма своеобразное понимание свободы.

— В смысле?..

— Да это и не важно. Можете быть уверены: очень скоро я заставлю их находиться на СВОИХ местах. Я сделаю это! Мы не можем разочаровывать клиентов.

«Ну и что? — подумал шеф лаборатории. У него было беспокойно на душе, и он искал оправдание своей, ставшей вдруг нелюбимой, работе. — Ну и что? Они ведь всего лишь записи!» Глубоко вздохнув, он направился к выходу. Известный актер К., терзасмый смутными подозрениями относительно собственной сущности, последовал за ним...

*Перевод с болгарского
Евгения Харитоновца*

ОБ АВТОРЕ:

ПОШТАКОВ (Поцаков) Христо (22.09.1944). Известный болгарский фантаст и переводчик русской и испаноязычной НФ, один из лидеров современной национальной НФ. Родился в 1944 году. Окончил Софийский Технический университет. Работал разнорабочим, в течение нескольких лет был техническим советником на Кубе; в 1990-е гг. сменил ряд профессий, так или иначе связанных с бизнесом. С 1998 г. — профессиональный писатель. Имеет научные публикации и две монографии, изданные на Кубе.

Фантастику пишет с 1984 г.; дебютировал рассказом «Идем в гости» (1987). С тех пор один из наиболее публикуемых авторов болгарской НФ — как у себя на родине, так и за рубежом (его книги выходили в России, Испании и Франции). Дебютная книга НФ рассказов П. — «Дежурство на Титане» (Дежурство на Титан, 1993) получила поощрительный приз Европейского конгресса писателей-фантастов (ЕВРОКОН) за лучший дебют европейского автора. У себя на родине писатель выпустил еще несколько книг — роман социальной НФ «Приключение в Дарвиле» (1996), сборники «Планета Скали» (2001) и «Генератор реальности» (2004), роман в жанре сатирической космооперы «Нашествие грухилов» (1998). В 2003 г. состоялся дебют писателя в жанре пародийно-юмористической фэнтези (но с атрибутами и приключенческой НФ) — роман «Меч, мощ и магия» (под псевдонимом Кристофър Поустмън), герои которого, средневековые рыцарь, маг и дракон, оказываются в современном Голливуде. В 2006 году переработанный в соавторстве с российским фантастом Андреем Беляниным и под названием «Меч, магия и челюсти» роман был издан и в России.